

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Шигурова Т.А. — Накосник пулокерь как компонент мокшанского национального костюма: к проблеме генезиса и этнокультурных смыслов // Человек и культура. — 2023. — № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40553 EDN: AMOLWR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40553

Накосник пулокерь как компонент мокшанского национального костюма: к проблеме генезиса и этнокультурных смыслов

Шигурова Татьяна Алексеевна

доктор культурологии, кандидат исторических наук

профессор, кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430010, Россия, Мордовия область, г. Саранск, ул. Серова, 3

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.3.40553

EDN:

AMOLWR

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2023

Дата публикации:

09-06-2023

Аннотация: Данная статья представляет опыт исследования уникального накосника мокшанских женщин пулокерь, бытовавшего с VIII по XVIII вв. в традиционном женском костюме в качестве этнического символа народа. Рассмотрены важнейшие аспекты характеристики накосника, связанные с определением причины появления этого артефакта, выявлением общего отношения к волосам в традиционной культуре, в частности в героическом эпосе мордовского народа «Масторава», где отражены события средневековой истории этноса; характер эпохи, обусловивший появление в народном костюме новых элементов. В исследовании были использованы как общенаучные методы, так и системный, культурно-антропологический подходы. Выявлена роль кризисного фактора в культуре мордовских племен VIII-IX вв. I тыс. н.э., проявившегося в активизации деятельности человека, направленной на адаптацию в условиях стремительных изменений и межкультурных контактов. Установлено, что следствием

творческого труда женщин, вынужденно ограниченного пространством семьи и дома (возможно, в связи с появлением малой семьи), стало развитие социально-экономических и культурных процессов, связанных с обрядовой сферой, что потребовало сегрегации социальной группы замужней женщины и нового элемента головного убора, который подчеркивал статус хозяйки дома. Новизна исследования определяется выводами о ценностях культуры, воплощенных в материализации целей коллективной деятельности в виде искусственно созданной формы украшения, а также в обосновании значительного влияния тюркских народов на развитие культуры в рассматриваемый период времени.

Ключевые слова:

Характер эпохи, межкультурная коммуникация, средневековье, мордовская культура, мордва-мокша, тюркские народы, традиционный женский костюм, ценность волос, творческая деятельность, накосник

1. Предварительные суждения.

В Библии одежда рассматривается как первая вещь человека, осознанная Адамом и Евой в качестве необходимой перед их изгнанием из рая. Тело человека объективно требует укрытия и защиты с помощью одежды, удерживаемой на теле, согласно Р. В. Захаржевской, «способом накидывания, привязывания и обматывания»; при этом «одежда, – по мнению автора, – остается прежде всего покровом, укрытием, которые и определяют ее место в цепи целесообразных приобретений человечества» [\[12, с. 260–261, 270\]](#). Логическим завершением костюма многих народов мира является головной убор, включающий как «способы собственно прически, так и способы убранства и покрытия головы» [\[36\]](#).

В истории развития одежды мордовского народа есть много уникальных произведений творческой деятельности женщины, среди которых выделяется недостаточно изученный женский накосник *пулокерь* (*хвост, коса + лубок, кора*). Он до сих пор привлекает внимание простотой формы и лаконичностью декора, свидетельствующих о безупречности эстетического вкуса народа. Не углубляясь в теоретическое описание взаимосвязи сложных женских головных уборов мордовского народа с прической, различающейся у замужних женщин и девушек, считаем возможным, вслед за В. Н. Белицер, трактовать *пулокерь* как «женский головной убор (древний)» в соответствии с терминологическим словарем книги «Народная одежда мордвы» [\[2, с. 213\]](#).

Возникновение деталей сложных головных уборов, как и других компонентов одежды (например, поясной одежды) в прошлом определялось в первую очередь необходимостью одеть, закрыть, защитить человека (часть тела), указать на его статус, равно как и выполнением других функций. Традиционный женский костюм – «это уникальный маркер этнокультуры, который фиксирует своеобразие национального характера, материальных и духовных ценностей человека, его представлений о картине мира, безмолвно считываемых в процессе взаимодействия этносов» [\[32, с. 3\]](#). Будучи частью культуры, костюм выполнял «основные ее универсальные функции» (гносеологическая, нормативная, сигнификативная, коммуникативная, креативная), формируя «искусственный образ самого носителя» [Там же, с. 3]. Г. А. Корнишина пишет о связи традиционной одежды и женских головных уборов мордовского народа с

«нормами и ценностями, посредством которых возможно становление этнически обусловленного мировосприятия» [16, с. 184]. Р. Бенедикт, рассматривала культуру в качестве психологической целостности, являющейся внутренне гармоничной системой, обладающей специфическими особенностями «костюма, ремесел, обычаев, мифологии, экономического обмена», а также действием «механизмов, обеспечивающих стабилизацию дисгармоничных элементов и вырабатывающих новые, более подходящие элементы» [39 с.114].

П улокерь – показатель высокого мастерства и таланта женщины, создавшей в эпоху средневековья такой элемент материальной культуры, который продолжал жить достаточно долго, сохраняясь в течение тысячелетия и изменяясь в соответствии с локальными, временными и территориальными вариантами традиционной одежды. У многих народов, проживавших с древнейших времен на территории, которая сегодня входит в состав России, в далеком прошлом бытовали накошники в виде чехла. Их носили девушки или женщины, а иногда и мужчины. Так, весьма своеобразны берестяные колпачки-накошники, обнаруженные в погребениях таштыкцев (I - нач. VII в. н.э.) (см. [6]). С. В. Суслова и Р. Г. Мухамедова связывают распространение накошника-чехла у татар «с расселением мишарей Окско-Сурского междуречья», отмечая, что накошник-чехол «тезмэ » носили девушки чистопольских кряшен в будни и праздники [27, с 209, 210]. По мнению исследователей, «накошник-чехол является элементом головного убора «тастар», т.е. является женским» [Там же, с. 210]. Накошники в форме чехла из бархата носили женщины восточных бурят. Прическа в виде декорированной косы была популярна в начале XX в. у хантов и манси, причем не только у женщин, но и у мужчин.

В традиционном костюме мокшанских женщин до конца XVIII в. бытовал трубчатый накошник пулокерь, являющийся частью сложной многоуровневой системы: головной убор – костюм – этнокультура. Интересным представляется информационно-семиотическое исследование его уникальной формы, материала, разнообразия используемой технологии изготовления и последовательности создания вещи. Требуется дальнейшего изучения интерпретация вариантов внутренней формы термина пулокерь с учетом лексикографических, этнографических и др. источников и конкретного семантического наполнения, а также роль накошника в повседневности. Покрывание волос и головы у многих народов выполняло «обереговые функции, предохраняя от дурного глаза, порчи, от нечистой силы» [34, с. 80]. Поскольку в этнокультуре «каждый предмет создавался в результате целенаправленной сознательной деятельности человека (планирование – создание – функционирование)», логика научного подхода обуславливает необходимость первоначального акцента на проблемы и изменения, связанные с человеком – создателем и носителем костюма [33, с. 32].

Цель данной статьи – определить причины появления в женском традиционном костюме мордвы оригинального накошника. Предпринимается попытка выяснить, что послужило импульсом для возникновения в эпоху средневековья исследуемого артефакта, ставшего на целое тысячелетие этническим символом мокшанской культуры.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления накошника в качестве элемента не только материальной, художественной, но и духовной культуры, в котором сконцентрированы история мордовского народа, ценности культуры (красота, плодородие, здоровье), выраженные в представлениях людей о реальных качествах волос и прически. Рассмотрение истоков создания мордовской женщиной уникальной твердой конструкции для своих волос из кожи и металлической проволоки, которая

обеспечивала их неподвижность и защищенность, позволяет выявить особенности и этническую специфику мордовского народа, его представления о мире и себе самом, осмыслить влияние противоречий и проблем кризисной ситуации в культуре на возникновение и дальнейшее развитие элемента традиционного мордовского костюма.

Выводы работы опираются на использование общенаучных методов и системного, культурно-антропологического подходов, а также на интерпретацию народного героического эпоса «Масторава», истоки которого непосредственно связаны как с периодом, предшествующим средневековью, так и со временем формирования строя военной демократии мордовского народа. Известно, что автор «Масторавы» в создании сюжета использовал обилие ценнейшего фольклорного материала, собранного Х. Паасоненом на рубеже XIX–XX вв., который позднее был опубликован в обработке других авторов (см.: [\[40\]](#)).

Разнообразие этнокультурных и исторических процессов средних веков (VIII–XVIII вв.) на территории Среднего Поволжья достаточно полно раскрыто в ряде работ Алиховой А. Е., Белорыбкина Г. Н., Вихляева В. И., Горелика С. В., Казакова Е. П., Мокшина Н. Ф. Петербургского И. М., Степанова П. Д., Халиков А. Х., Юрченкова В. А. и других исследователей. Встречаемый только в археологических памятниках, наконник исследовался лишь в работах ученых-археологов и пока не получил культурологического освещения. Впервые пулокерь зафиксирован И. И. Лепехиным в 1768 г. в качестве съемного элемента, входившего в состав наспинного декора, закрывающего волосы замужней женщины: «по бокам привешивают деревянную, медною проволокой обвитую трубку Пулокерь, в которую продевают метелку Пула, сделанную из длинных человеческих волос» [\[17, с. 157\]](#). В работе П. С. Палласа впервые дано изображение мокшанского «пулокеря».

mrkm.ru П.С. Паллас.

Встречаемое в археологических памятниках украшение описано в работах специалистов-археологов. Так, в раскопках Лядинского могильника (конец IX - начало XI в.) В. Н. Ястребовым в 1888 г. была обнаружена «коса, намотанная на палочку и потом обвитая ремнем, который украшен плоскими медными проволоками, перегнутыми поперек него»

[\[18, с. 24\]](#).

Исследователи отмечали принадлежность украшения именно костюму мокшанских женщин. П. Д. Степанов писал: «ни в одном эрзянском могильнике не было встречено *«пулокеря»*, тогда как в мокшанских могильниках во всех почти женских захоронениях он является обязательной принадлежностью» [\[26, с. 150–151\]](#). Будучи опытным археологом, исследователь уточняет, что данный артефакт встречается уже в мордовских памятниках VIII–XI вв. Он приводит характерные для накосника этого времени различия: «женская коса помещалась в длинную спираль из плоско-округлой медной проволоки, но иногда коса обертывалась тонким и узким ремешком, обмотанным тоненькой медной провололочкой...» [Там же, с. 160]. Наиболее ценным представляется предположение ученого о возникновении накосника: «Можно предполагать, что этот вид головного убора возник именно в VII–XI вв. и являлся национальным отличием мокши. В более ранних памятниках этот вид головного убора не встречается» [\[26, с. 160\]](#).

Опираясь на материалы исследования Лядинского могильника, А. Е. Алихова приходит к выводу, что распространение *пулокеря* в составе мокшанского головного убора может быть отнесено к X веку. Она обнаружила взаимосвязь новой формы накосника с предшествующими вариантами, что свидетельствует о наличии древних представлений народа о роли волос и смыслах женской прически [\[1, с. 16–19\]](#). Весьма кратким является описание данного украшения, сделанное М. Р. Полесских в полевом дневнике (1964 г.) исследований могильника «Красный Восток», где сказано следующее о находке в погребении № 17: «Коса, обернутая ремешком» (см.: [\[24\]](#)). Позднее ученый высказал предположение о времени его зарождения: «Такое показательное для этнической характеристики мокши позднего средневековья украшение, как *полукерь*, зарождается именно в VIII–IX вв. (Кр. Восток, погр 17)» [\[23, с. 127\]](#).

Н. М. Малкова и Р. Ф. Воронина представили собственные варианты типологии накосника, обратив внимание на специфику его изготовления в соответствии с материалами конкретных археологических памятников [\[7, с. 45–46\]](#), [\[9, с. 11\]](#). В начале XIX в., судя по письменным источникам РГО середины XIX века, *пулокерь* окончательно вышел из употребления.

2. Феномен волос в культуре мордовского народа

По представлениям мордовского народа, одежда использовалась еще богами. Для понимания ценности одежды, головного убора и особенностей отношения к волосам в традиционной мордовской культуре обратимся к анализу знаково-символического потенциала героического эпоса «Масторава», который «включает... эпические песни и сказания о сотворении мира и человека, ... воспроизводит цивилизационную историю» народа, и ритуально-обрядовую практику мордвы [\[31, с. 2\]](#).

Так, примечательно такое описание великолепия костюма и привлекательности образа богини красоты Анге, ставшей женой бога Инешнипаза, которое включало в себя оформление головы и прически:

«В платье белоснежное одета,

В золотые лапотки обута.

По ее челу восходит солнце,

По ее макушке сходит месяц,

На концах волос мерцают звезды» [\[31, с. 31\]](#).

По мнению мордовского народа, волосы, являясь частью тела человека, обладают всеми, присущими для живого организма качествами: в народном эпосе «Масторава» приводится следующее высказывание Бога о человеке:

«...Нет частей в нем разных,

Не из долей создан разнородных» [Там же, с. 44].

Визуальные изменения цвета, длины, структуры, качества волос, наблюдаемые окружающими, передавали информацию о происходящих переменах в жизни человека, об изменениях его возраста, состояния здоровья. Волосы в мордовской культуре становились своеобразным знаком человека: плакальщица в первую очередь упоминает волосы Тюштяна:

«Поцелую я сперва, Тюштян, твои волосы... [\[31, с. 649\]](#).

«Уж с чего сейчас начну

Над тобой причитывать?

Встану я у головы.

С головы твоей начну,

С кончиков седых волос

Над тобою куковать» [Там же, с. 652].

Как уже сказано, информация о волосах используется при передаче образа богов. Так, Масторпаз свое желание посвататься к Ведьаве объясняет тем, что ее «божественная красота» включает красоту ее лица и волос:

«Дай-ка я сосватаю Ведяву.

У нее лицо белее снега,

Волосы пышнее гроздьев хмеля» [Там же, с. 108].

Особенное значение имели длинные волосы. В 1 тысячелетии н. э. многие народы Европы стремились их иметь, у галлов и германцев волосы были признаком благородства человека, а бритая голова указывала на принадлежность рабу (см.: [\[36\]](#)). В эпосе «Масторава» описание девушки включает сведения о длине волос, как о признаке ее красоты:

«Волосы ее чернее ночи,

Падают они на подоконник.

Достает коса ее до пола...» [\[31, с. 429\]](#).

Густые длинные косы считались у многих народов символом «девичьей красоты», равно как и символом самой девушки:

«Дай, золовушка, разрозним украшающую стан – твою косу,

Красоту спины – твои волосы...» [\[11, с. 205\]](#).

Волосы определяют красоту девушки Азравки в эпосе Масторава:

«Выросла на свете самой лучшей.

Стан ее что белая береза,

Волосы что ивовые листья» [\[31, с. 147\]](#).

Волосы обладают способностью расти всю жизнь человека, поэтому они не могли не наделяться таким особым качеством, как плодородие: их считали источником плодородия.

В «Мастораве» длительные поиски идеальной жены инязора Тюштяна завершаются встречей с девушкой Паксиной, у которой волосы являют собой символ плодородия:

«Голову ее покрыла озимь,

По концам волос взросли колосья» [\[31, с. 432\]](#).

Через знаково-символическую информацию, выражаемую посредством волос, девушка обратила на себя внимание Тюштяна, продемонстрировала ценностные представления о способности продолжения жизни рода и здоровья, стала ему достойной женой, принесла счастье правителю народа.

Заметим в этой связи, что в мордовских языках наименование косы связывается не только с общемордовским понятием *пула м.*, *пуло э.*, но и с терминами «сёрал» -м., ('коса'), «сёралт» -э., ('волосы, не заплетенные в косу') (см.: [\[25, с. 191\]](#), [\[37, с. 583\]](#)). Кроме того, сохранилось и собирательный смысл в понятиях *сёра*, ('зерно, урожай злаковых'); *сюро э.*, ('хлеб в зерне, на корню') (см.: [\[25, с. 151\]](#), [\[37, с. 637\]](#)). По мнению лингвистов, слово *сюро*, пришедшее в финно-угорские языки из индоевропейского языка, имеет два значения – «рог» и «зерно, урожай на корню» (см.: [\[30, с. 178\]](#)). Вплоть до середины XX в. в мордовских селах Республики Мордовия бытовали женские прически, называемые *сёралхт*, *сёралкс*. Они представляли собой две заплетенные косы, которые закручивали на висках в два узла. В XX в. данный смысл понятия женщины связывали с формой прически, напоминающей рога.

Важность знаковой информации о плодородии, передаваемой волосами, подчеркивается также в образах других героев исследуемого эпоса, например, деда-великана, чья голова

«... была такой большою, что

В волосах ее седых, лохматых

Можно гнезда вить орлам, а в гнездах

Выводить орлят, потомство птичье» [\[31, с. 548-549\]](#).

Волосы девушки, которую правитель мордовского народа выбрал в жены, были показателем ее крепкого здоровья, жизненной силы, что подчеркивается порой даже сильным преувеличением их количества, обилия, густоты, прочности:

«Мыла, мыла голову Паксине –
Полной бочки браги не хватило;
Начала расчесываться гребнем –
Разломался гребешок железный,
Медный гребешок переломался» [Там же, с. 435].

Изначальное понимание волос как части тела человека объясняет причину требований в разных культурах к их неприкосновенности. Оскорбление кого-либо в мордовской культуре могло быть выражено в действии с волосами. В народном эпосе ссора богов Масторпаза с Ведявой объясняет причину их одинокой жизни:

«Масторпаз разгневался не в шутку
И схватил за волосы Ведяву,
Показал свой непокорный норов.
И Ведява сильно разозлилась,
И она почувствовала силу.
Бороду скрутила Масторпазу
И, бранясь, его свалила на пол.
Что кудели клок, в руках Ведявы
Масторпаза борода осталась.
После распрекрасная Ведява
Ухватила жениха за космы
И из дома выкинула за дверь...» [\[31, с. 113\]](#).
«Вот как добрый молодец Масторпаз
Сватался к красавице Ведяве.
Без волос он от нее вернулся
И навеки без жены остался» [Там же, с. 114].

Приведенный фрагмент лирической темы эпического сюжета не является воспроизведением реальных исторических событий, но, будучи подтвержден архивными материалами Х. Паасонена, опубликованными после смерти собирателя, демонстрирует, во-первых, пример недопустимого в прошлом, оскорбительного обращения с чужими волосами (см.: [\[40\]](#)). Известно о существовании подобных канонов у многих народов России.

Во-вторых, в народном эпосе сохранилась типовая реакция женской богини мордвы на нарушение запрета. Гордая и непредсказуемая Ведява олицетворяла водную стихию, первооснову мироздания, была покровительницей женщин, семьи. Ее просили о здоровье, рождении детей, плодородии, к ней обращались при бесплодии не только

людей, но и животных (см.: [\[19, с. 116–119\]](#), [\[15, с. 109\]](#)). Антропологический облик Ведявы, живущей на земле, представляется таким, как будто она сидит на берегу и расчесывает свои длинные волосы медным гребнем.

В произведениях устного народного творчества мордовского народа поведение богини транслирует каноны религиозной языческой культуры, служит наставлением для женщин проявлять активную позицию в жизни. Богиня-созидательница служила примером жизнелюбия, созидательной творческой деятельности, ответственности в любой ситуации за себя и свой дом, решительности в преодолении возникших проблем: «Образы мордовских богов, в основном – женских, утверждали главенство женщины в мире, ассоциированное с ее духовной и нравственной силой» [\[33, с. 118\]](#). Исследования Г. А. Корнишиной подтверждают значительную роль женщины в традиционном мордовском обществе XIX века: «именно мордовки являлись наиболее строгими блюстительницами и исполнительницами всех семейных и общественных ритуалов» [\[15, с. 106\]](#). Таким образом моральные ценности, традиционные обряды, эксплицирующие значимость и важность волос, помогали женщине преодолевать страхи, тяжелые испытания, суровые нравы реальной жизни.

3. Характер эпохи в costume

Возникновение пулокера, как следует из приведенных выше свидетельств ученых-историков, восходит к сложному историческому периоду, который считается временем «формирования современных народов Поволжья и Восточной Европы» [\[3, с. 145\]](#). Начало I тысячелетия было ознаменовано великим переселением народов, что повлияло на формирование культуры древнемордовских племен. Отсутствие значительных природных барьеров в Поволжье способствовало межкультурным контактам предков мордвы с греками, скифами, сарматами, славянами-антями. В. А. Юрченков считал, что именно «внешнеполитический фактор... ускорил оформление древнемордовской культуры» [\[38, с. 51\]](#). Состояние культуры с V по VII вв. историки характеризуют как стабильное: народы проживали изолированно, мирно соблюдая границы осваиваемой территории. Благоприятные условия для сохранения и развития культуры способствовали укреплению традиции, унаследованной от предков в религиозной сфере (языческая религия), в устном народном творчестве, материально-технической области (технологии и средства преобразования мира).

С VII в. на территорию Среднего Поволжья проникают из южных и юго-восточных степей различные кочевые племена: булгары, аланы, хазары, аскизы. С VIII в. формируется союз булгарских племен, имевший сильную военную организацию, позволившую контролировать торговые пути – водный Волжско-Окский и сухопутный – из Булгара в Киев. Часто бывало, что «хазарские дружины... приходили на среднюю Волгу за данью, заложниками, жёнами...» [\[22, с. 187\]](#). Не случайно устное народное творчество сохранило при описании событий «На Суре-реке в селе Пензае» многочисленные примеры конфликтных межкультурных ситуаций, когда упоминаются чужие народы: «вороги-ногайцы», душманы, басурманы и др.) [\[31, с. 789\]](#).

Вороги украли солнце,

Отняли ногайцы землю,

Взяли в плен жену душманы [\[31, с. 897\]](#).

Нарушение границ проживания, столкновение разных моделей поведения с традиционными нормами местного населения, появление культа воина, укрепление власти мужчины, более сильного, агрессивного, хорошо вооруженного пришельца, создавали противоречия и требовали решения вечных проблем культуры: *добро / зло; жизнь / смерть, свой / чужой; господство и подчинение*. Таким образом была обозначена необходимость появления к концу I тыс. н.э. строя военной демократии (см.: [\[21\]](#)).

Стремясь адаптироваться к драматическим переменам жизни, мордовская женщина утверждала себя в качестве активной и ответственной личности, проявляющей себя в условиях становящегося все более враждебным, мускулиного мира, в качестве воина, защитника своего дома, родины: «В некоторых женских погребениях найдено оружие: наконечники стрел и копий, даже меч (Армиевский могильник VI–VII вв., погребение 177). В этом же погребении были удила. Очевидно, оно принадлежало женщине-воительнице, всаднице. Оружие и конское снаряжение были также в погребении (10) литейщицы из Томниковского могильника» [\[1, с. 102\]](#). Многие исследователи подтверждают наличие предметов вооружения в женских погребальных комплексах (см.: [\[8, с. 46\]](#). Вероятно, базовое противопоставление в далеком прошлом понятий *мужское / женское* не имело твердого незыблемого закрепления в мордовской культуре, что косвенно подтверждает отсутствие рода в языке. Положение и статус в обществе определялись личными качествами, результатами деятельности человека, пытавшегося по мере возможности разрешить возникающие проблемы в процессе созидательной деятельности. «Активное участие женщины в общественной жизни, так или иначе связанное с верховой ездой (вероятно, и в военной ситуации), подтверждает бытование в их костюме этого периода нижней поясной одежды», укороченной одежды и других изменений в костюме [\[34, с. 110\]](#).

Территория Поволжья привлекала кочевые народы своими сырьевыми запасами (пушнина, мед, воск, лес и др.), используемыми для обмена и развития торговли, поэтому военно-политическое преимущество хазар, волжских булгар способствовало уверенному и быстрому доминированию их в регионе. Тесные контакты финно-угорских племен Поволжья с южными народами, среди которых были «племена разных языковых групп, в том числе тюркоязычных и индоиранских», до X в. сохранивших пережитки язычества, несомненно способствовали межкультурному взаимодействию и развитию культур [\[14, с. 157\]](#). С юга доставлялись в Поволжье разнообразные товары: ткани, тесьма и ленты, бисер и бусы, которые женщины использовали для декорирования одежды непосредственно или – в качестве копируемых в вышивке. Поступал также цветной металл (медь, олово, свинец) и украшения. В это время увеличиваются находки в могильниках слитков металлов на территории Примокшанья, первоначально – меди и олова, а с IX в. слитков олова, бронзы и серебра. Активизируется «металлургия и металлообработка черных и цветных металлов», появляются производимые местными мастерами новые образцы ювелирных украшений, развиваются «торговые отношения с Волжской Булгарией, с аланским миром Северного Кавказа и Подонья» [\[1, с. 111\]](#).

Археологические материалы фиксируют формирование в этот период в Верхнем Посурье смешанного комплекса украшений, когда на одном костюме встречались украшения именковские, салтовские, тюркские, финно-угорские. А. Х. Халиков утверждает, что «в древнемордовских могильниках и других памятниках Верхнего Посурья, Средней Оки и Средней Суры отмечаются вещи, характерные для кочевнического мира – поясные наборы, удила, пряжки и т.п.» [\[29, с. 56\]](#). Следы значительного салтовского влияния

сохранились до XVIII в., что подтвердила находка салтовского боевого топора в языческом могильнике Калмо-ляй у с. Левжа Рузаевского района Мордовии.

М. Р. Полесских считал фактический материал пензенских могильников подтверждением этнической неоднородности населения, а богатство инвентаря погребений мордвы мокши начиная с VIII в. доказательством того, что население имело «высокий относительно своего времени экономический уровень жизни» [23, с. 128]. Расширение межкультурных отношений, торговых связей, развитие ремесла несомненно проявилось в уникальности народного костюма мордовских племен, который, судя по археологическим материалам, достиг совершенства к X-XII вв.

Особенно тесное общение во второй половине I тыс. н. э. наблюдалось между мордовскими и тюркскими племенами, что отразилось в их культуре. Р. Г. Мухамедова проследила результаты взаимодействия народов, сохранившиеся в материальной культуре мишарей, считая, например, косулю, лыковую обувь (лапти) мордовскими заимствованиями (см. [20]). Н. В. Бутылов отмечал в мордовских языках следы тюркского влияния, проявившего себя «не только в лексической системе, ... но и на уровне морфологии и синтаксиса» [5, с. 6]. Особенно большое количество тюркских заимствований характерно для мокшанского языка. Влияние тюркской культуры прослеживается на материалах лексики, содержащейся в «семантическом классе «Человек и общество», а внутри его – в группе, обозначающей понятия, связанные с взаимоотношениями людей» [Там же, с. 47–50]. Этот факт свидетельствует о степени сближения и тесного общения народов в прошлом. Кроме того, убедительным доказательством коммуникации, проникновения различных культур в практику жизненных процессов друг друга, обрядовую сферу является большое количество тюркской терминологии в группе слов, обозначающих понятия родства и свойства, тем более что эта часть понятий относится к наиболее архаичным пластам лексики. В духовной сфере у мордовского народа обнаружено много тюркских заимствованных слов среди названий «праздников, игр, слов, обозначающих обряды, религиозные верования, гадания, колдовство» [Там же, с. 54]; также «слова, обозначающие одежду, обувь, украшения и наряды», «слова, связанные с обозначением пищи, напитков» [Там же, с. 53, 54]. Краткое перечисление тем показывает тесную связь происходивших социально-экономических и культурных процессов с женской деятельностью, домом, что предполагает значительное развитие семьи.

И. М. Петербургский писал, что во второй половине I тыс. н. э. произошло выделение малой семьи у мордовского народа (см.: [21]). Выполняя широкий круг обязанностей в семье, женщина наравне с мужчиной трудилась и достигала своего наивысшего статуса в браке, становясь главой семейства *кудазоравой* – домохозяйкой, главной хозяйкой. Творческая деятельность женщины сосредотачиваемая все больше на интересах семьи, полноценно раскрывалась в пространстве дома – это «особо сформированная целостность», структура, которая «соединяет все линии культурного космоса» [13, с. 259].

Мордовская женщина в прошлом была активной участницей общественной жизни: «Разделение труда, как показывает вся его история, безусловно более адекватно мужской сущности, чем женской» [Там же, с. 238]. Стремительные изменения жизни, столкновение разных миров осмысливалось в качестве кризисной ситуации с нарушением моральных, нравственных и других границ традиционной культуры. Явное доминирование в обществе вооруженного воина-всадника, культа мужской силы повлияло на ограничение сферы созидательной деятельности мордовской женщины пространством дома. Она вынуждена остановить свой выбор на семье и доме,

понимаемом как «особо сформированная целостность. Поэтому смысл дома... не исчерпывается для женщины какими-либо отдельными задачами, ... для нее в нем самодовлеющая ценность и цель, и он ... аналогичен произведению искусства» [\[13, с. 257\]](#). Раскрыть глубину содержания деятельности женщины, которая сама представляет собой выраженное визуально в традиционном костюме «замкнутое, очерченное строгой границей существо», можно познанием бескорыстного посвящения ею «себя протекающей жизни, дню и людям» [Там же, с. 258, 259].

Максимальная степень творческого начала женской созидательной деятельности проявилась в развитии семейной коммуникации, обычаев и обрядов, норм поведения, а также появлении специфических знаковых элементов традиционного женского костюма. Понимание народного костюма в качестве текста бесписьменной культуры означает считывание информации, которая «закодирована в материале, крое, силуэте, колористике, орнаментике, декоре, способах ношения и комплектования элементов...» [\[35, с. 298\]](#). Столкновение различных социо-культурных норм в результате смешения народов создавали сложность коммуникативного пространства, что потребовало более строгой сегрегации социальной группы замужней женщины и стало импульсом к созданию *пулокера*, представлявшего собой необходимую знаковую семиосферу, соединявшую различные языки и смыслы в более сложной семиотической системе традиционного женского костюма.

Ядро семиосферы *пулокера*, создаваемого и носимого женщиной, связано с миром женщины, ее проблемами, переживаниями в сложной, кризисной ситуации. Оно транслирует на периферию семиосферы нормы и правила традиционной культуры. По мнению Зиммеля, «чем более нервна эпоха, тем быстрее меняются ее моды...» [\[13, с. 273\]](#). Разнообразие и специфика национальных костюмов народов мира объясняются особенностями формирования культуры, конкретными условиями и образом жизни народа, культурно-историческими событиями, при соответствии закону гармонии и ценностям народа, воспитываемому вкусу.

При всем обилии накосных украшений и чехлов из ткани, бытовавших у тюркских народов, встречается лишь одно терминологически близкое понятие, которое может подтвердить возможность коммуникации в средние века мордовского населения с народами Алтая. На Золотаревском поселении обнаружены артефакты, подтверждающие постоянное проживание здесь не только мордвы, но болгар и аскизов: «На поселениях типа Золотаревского городища, прослеживается смешение культур мордвы, буртас, болгар, славян, половцев и переселенцев с Алтая (аскизская культура)» [\[4, с. 62\]](#). Военный отряд аскизов контролировал безопасность торговых караванов на южных территориях проживания мордвы, где и начинает формироваться головной убор типа накосника *пулокерь*. Известно о том, что у алтайцев встречалась мужская прическа в виде косы, называемая «*k ejere*» (см. [\[28\]](#)). С. В. Горелик утверждал: «Мужи собственно тюрков..., а также мужи подвластных им тюркоязычных народов носили длинные волосы, которые заплетали в косы» [\[10, с. 257\]](#). В сложный, наполненный противоречиями и опасностями период времени образ тюркского воина в соответствии с существовавшими ценностями и ролью волос мог быть воспринят как образ силы, поэтому стал внешним стимулом к подражанию и сознательному дополнительному выделению женской прически выразительными декоративными средствами. По мнению А. Д. Тойнби «функция "внешнего фактора" заключается в том, чтобы превратить "внутренний творческий импульс" в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций» [\[41, с. 104\]](#)).

Сложность этнокультурных, исторических процессов VIII–IX вв. I тыс. н. э. требовала активизировать творческую деятельность человека для его адаптации к изменениям. Творческая активность женщины стала импульсом развития культуры, зафиксированного в духовном, материальном и художественном элементах и в частности – в создании нового элемента костюма. Ценности культуры, передаваемые из поколения в поколение, определяют цели коллективной деятельности, воплощаемые в разнообразии искусственно создаваемых форм.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что характер эпохи (VIII–IX в. I тыс. н.э.), характеризующийся кризисом в культуре, способствовал изменениям в культурной жизни общества, в том числе и в традиционном костюме, декоративно-прикладном искусстве. Пулокерь, как результат творческой деятельности, насыщенной эмоциями человека, сконцентрировал главную идею времени, противоречия и проблемы, волновавшие активную социальную группу общества.

Мордовская женщина на протяжении всей истории народа (наравне с мужчиной) была творцом, созидателем материальной, духовной, художественной культуры, активной участницей социокультурных процессов. Морально-нравственной опорой в трудных природных и бытовых ситуациях прошлого ей служили традиционные ценности, формируемые и усваиваемые в результате воспитания в семье и жизни в коллективе. Большое воздействие на формирование ценностей имела языческая религиозно-мифологическая система, характеризующаяся у мордвы в I тыс. н. э. преобладанием женских божеств, играющих более важную роль, чем божества в образе мужчин.

В I тыс. н. э. усиливалась роль мужчины, с VII в. н.э. проникновение хорошо вооруженных пришельцев, тюркских воинов обостряло противоречия и требовало решения проблем (*добро / зло; жизнь / смерть, свой / чужой; господство и подчинение*) через формирование строя военной демократии. Импульсом для рождения нового артефакта явилась острая необходимость сегрегации социальной группы замужней женщины, подчеркивания важности ее статуса в обществе и семье, определяемого сложностью адаптации человека при появлении малой семьи, повышением ответственности и обязанностей, выполняемых женщиной, связанных с рождением детей, сохранением здоровья семьи, выполнением ритуальных функций, созданием материальных ценностей (изготовление пищи и одежды) и др.

Рассмотрение ценностных смыслов мордовского народа, связанных со значением волос, объясняет принятые в обществе нормы общения и передачи информации, которые определяли стабильность общества, предсказуемость развития бытовых ситуаций, неизменность понятных всем визуальных знаков. Головной убор женщины и особенности ее прически осмысливались в период средневековья в качестве важной семиотической системы, выразившей в символической художественной форме важнейшие духовные ценности культуры. Ядро семиосферы *пулокеря* – эмоционально-психологический мир женщины, создающий знаки и неизменные правила, характеризующиеся смысловой стабильностью.

Интерпретация окружающими знаковой информации могла изменяться на разных территориях проживания населения, в связи с их переселением и развитием межкультурных связей, что составляет предмет специального рассмотрения. В дальнейшем будет исследован технологический код *пулокеря*, влиявший на интерпретацию знаковой информации вариантов внутренней формы термина, которая

могла изменяться на территории проживания населения, планируется также изучить роль наколки в повседневной культуре мордовского народа. Важным представляется и комплексное исследование функциональной, семантической и ритуальной нагрузки элемента головного убора, объясняющей тысячелетие его бытования.

Библиография

1. Алихова А.Е. Из истории мордвы конца 1-го – начала II-го тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа (Археологический сборник, т. II.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. С. 13–54.
2. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 215 с.
3. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века: монография. Пенза: ПГПУ, 2003. 203 с.
4. Белорыбкин Г.Н., Осипова Т.В., Соболев А.С. Столкновение средневековых цивилизаций по археологическим данным Пензенского края // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2019. № 2 (21). С. 62–69.
5. Бутилов Н.В. Тюркские заимствования в мордовских языках. Саранск, 2005. 128 с.
6. Вадецкая Э.Б. Таштыкские наколки и причёски // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. КСИА. Вып. 184. – М, 1985. С. 7–14.
7. Ведерникова Т.И., Малкова Н.М., Дубман Э.Л. и др. Мордва Самарского края: история и традиционная культура. Самара, 2021. 336 с.
8. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000. 132 с.
9. Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX - начало XI века. Институт археологии РАН. М.: Наука, 2007. 164 с.
10. Горелик С.В. Образ мужа-воина в Кабарии–Угрии–Руси // Археология евразийских степей. Военная археология: Древнее и средневековое вооружение Евразии. № 5, 2017. С. 257–271.
11. Евсеев М.Е. Мордовская свадьба. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. 280 с.
12. Захаржевская Р.В. История костюма: От античности до современности. М.: РИПОЛ классик, 2005. 288 с.
13. Зиммель Г. Избранное. В 2 томах. Т.2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
14. Казаков Е.П. Проблемы становления салтово-маяцкой культуры // Археология евразийских степей. VII Халиковские чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 155–170.
15. Корнишина Г.А. Женщина в традиционном мордовском обществе // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 мая 2022 г., г. Челябинск. Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2022. С. 106–112.
16. Корнишина Г.А. Традиционные женские головные уборы мордвы в контексте этнической и территориальной идентичности // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 2. С. 184–193.
17. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1769 годы. СПб., 1871. Ч. 1. 538 с.).
18. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии: Материалы по археологии России. С.-Петербург, Тип. И.Н. Скороходова. 1893. 137 с.
<https://elibrary.tambovliv.ru/?ebook=5284>

19. Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы: Этнограф. справ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 320 с.
20. Мухамедова Р.Г. Некоторые итоги изучения жилища и поселения татарского колхозного крестьянства Мордовии // Вопросы истории Татарии. Казань, 1962. С. 237–256.
21. Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск, 2011. 408 с.
22. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М. : Наука, 1967. 200 с.
23. Полесских М.Р. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I и начала II тысячелетий н. э. // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды, вып. 39. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1970. С.116–133.
24. Полесских М.Р. Могильник мордвы-мокша у поселка Красный Восток. Дневник раскопок 1964 г. <https://vk.com/@museumpenza-arheologicheskaya-karta-penzenskoj-oblasti-mogilnik-krasnyi>
25. Русско-мокшанский словарь. – Саранск: Красный октябрь, 2012. – 560 с.
26. Степанов П.Д. Древнейший период истории мордовского народа (до XIII века) // Зап. Морд НИИ. № 15. Саранск, 1952. С.17– 197.
27. Суслова С.В. Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000. 312 с.
28. Традиционная женская одежда алтайцев. «Ажуда», январь 2004 г. <https://nbra.ru/resursy/ekologiya/etnoekologiya/187-devichya-prichjoska-i-nakosnye-ukrasheniya>
29. Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Фолиант: Ин-т истории АН РТ, 2011. 335 с.
30. Цыганкин Д.В., Мосин М.В. Этимологиянь валкс. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 228 с.
31. Шаронов А.М. Масторава. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 460 с.
32. Шигурова Т.А. Костюм мордовского народа в обычаях и обрядах. М.: ИНФРА-М., 2020. 171 с.
33. Шигурова Т.А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 156 с.
34. Шигурова Т.А. Традиционный женский костюм в аспекте этногенеза мордовского народа // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 107-111.
35. Шигурова Т.А. Информационный потенциал текста мордовского костюма // Регионология. 2011. № 2 (75). С. 297–298.
36. Штернберг Л. Убор головной // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/211/ubor-golovnoj.htm>
37. Эрзянско-русский словарь: ок. 27 000 слов. М.: Рус. яз., Дигора, 1993. 803 с.
38. Юрченков В.А. Мордовская история: курс лекций. Саранск, 2014. 276 с.
39. Benedict R. Pattern of culture. Boston: Houghton Mifflin co., 1989. – XXIV, 291 p. <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-kultury/viewer>
40. Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Herausgegeben und übersetzt von P. Ravila. Bd. I. – Helsinki, 1938; Bd. II, 1939; Bd. III, 1941; Bd. IV, 1947; Bd.V, 1977; Bd VI, 1977; Bd. VII, 1980; Bd VIII, 1981.

<https://elib.natlibraryrm.ru/lib/document/EK/4C2B187B-5320-485A-A2C6-405A8386A2FC/>

41. Toynbee A.J. Study of History / Abridgement by D. Somervell. – London; New York; Toronto, 1946. [http://gumilevica.kulichki.net/Toynbee 104.html](http://gumilevica.kulichki.net/Toynbee%20104.html)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования автор выделяет «в истории развития одежды мордовского народа» женский накосник-пулокер, ставя целью статьи определение «причины появления в женском традиционном костюме мордвы оригинального накосника», — прояснение того, «что послужило импульсом для возникновения в эпоху средневековья исследуемого артефакта, ставшего на целое тысячелетие этническим символом мокшанской культуры». Поскольку чаще накосники исследователи относят к элементам украшений причесок, отнесение его автором к одежде выглядит необоснованным. Сам автор в заключении относит накосник-пулокер к вариантам «прически кочевых народов» и к головному убору женщины. Уже в обзоре литературы автор отмечает, что накосники, как украшение женских причесок, распространены в культурах многих народов. Соответственно, объект исследования следует конкретизировать и четко обосновать: является ли накосник-пулокер неперенным элементом одежды или все же это украшение прически.

Так же высказанная автором гипотеза, «что на выбор формы накосника женщины-мокшанки в VIII в. повлияла прическа тюркского воина», нуждается в обосновании. Появление единственного довода в пользу этого предположения в итоговом выводе не выглядит убедительным. Учитывая цель статьи, рассмотрение вариантов заимствования формы накосника должно занимать центральное место в основной части. Ключевым как раз должно стать сравнение прически тюркского воина и формы мокшанского накосника. Тогда при условии, что прическа тюркского воина как предполагаемый прототип была распространена раньше мокшанского накосника, можно полагать, что столкновение мокшанского матриархата с кочевым патриархатом тюркских племен повлек за собой распространение «воинственного» женского украшения. Хотя авторская характеристика жизненного уклада мордовского народа как матриархата в VIII в. тоже не выдерживает критики. Сохраняется вероятность, что смена жизненного уклада, отраженная А. М. Шароновым в 1994 г. в его выдающемся произведении по мотивам эрзянских и мокшанских героических мифов, песен и сказаний произошла раньше знакомства мордовского народа с тюрками, но имела столь важное значение, что стала одной из ключевых тем фольклора, как тема соперничества мужского и женского начал. Не исключено также, что акцент на лирической теме принадлежит непосредственно А. М. Шаронову. Так или иначе, поднятый автором вопрос мокшанского матриархата нуждается в более детальном освещении и обосновании.

Освещение предмета исследования в статье имеет сильные и слабые стороны.

К сильной стороне следует отнести опору на этнографический и археологический материал.

Но слабая сторона, — отсутствие четкой программы исследования, — перечеркивает достоинства представленного материала. Автору необходимо, исходя из цели исследования, обозначить конкретные исследовательские задачи, последовательность решения которых логично приводит к достижению цели, и структурировать изложение

результатов исследования в той же последовательности.

Поскольку в заключительном выводе автор отказывается давать характеристику полноты изученного предмета исследования и степени достижения поставленной цели («... этот вопрос требует дальнейшего изучения»), приходится констатировать, что предмет исследования в статье не раскрыт.

Методология исследования, по заверению автора, опирается «на использование общенаучных методов и системного, сравнительно-исторического и структурно-семиотического подходов, а также на интерпретацию народного героического эпоса "Масторава"». Однако, именно сравнений женских и мужских накосников в культурах разных народов представлено крайне недостаточно. Если же говорить о структурно-семиотическом подходе, то в статье не представлена ни одной структуры семиотических элементов мокшанского накосника-пулокера. К примеру, автор вскользь упоминает идентификацию И. И. Лепехиным слова «Пула» с метелкой, сделанной из длинных человеческих волос. Но это лишь часть слова «Пулукерь / полукерь». А что означает второй корень? Автору следует начать с четкой программы исследования, состоящей из логически выстроенной последовательности решения конкретных исследовательских задач, преследующих поставленную цель. Было бы уместно указать с помощью каких конкретных научных методов какая из поставленных задач решается, чтобы в заключении логично обобщить полученные результаты, а не выдвигать необоснованные гипотезы и не откладывать на потом решение поставленной в целеполагании статьи задачи («Очевидно, что набирающий [цитируется рецензентом буквально] популярность новый элемент костюма не мог появиться в эпоху средневековья из случайно используемых материалов и форм. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения»).

Актуальность поднятой автором темы обусловлена утверждением, что исследуемый артефакт стал «этническим символом мокшанской культуры». Безусловно, рассмотрение столь значимых культурных артефактов требует комплексного систематического изучения. Однако, автор не делает выводов из обзора литературы о степени изученности этого артефакта. Из представленного теста совершенно не очевидно, продолжает ли автор уже существующее направление систематических исследований или же впервые ставит задачу систематизации изучения мокшанского накосника-пулокера как этнического символа мокшанской культуры.

Научная новизна полученных автором результатов остается сомнительной. В итоговых выводах автор не указывает в чем состоит научная новизна результатов его исследования, а вместо этого манифестирует, наряду со слабо обоснованными гипотезами и характеристиками широких исторических промежутков («Во второй половине 1 тыс. н. э. ...»), набор общих малозначительных суждений (типа «Творческая деятельность и ее результаты, пропитанные эмоциями человека, способны были выразить главную идею времени, противоречия и проблемы, волновавшие активную социальную группу общества»).

Стиль в целом научный, хотя есть и стилистические пометки: 1) после подзаголовка точка не ставится и подзаголовки принято использовать в одном стиле («1. Предварительные суждения.» и «4. ВЫВОДЫ»); 2) встречаются лишние пробелы перед знаками препинания и не разъединённые пробелом предложения; 3) не все даты указаны в рекомендованном редакцией стиле («Во второй половине 1 тыс. н. э.»); 4) встречаются описки в словах. Структура статьи требует доработки согласно четкой исследовательской программе.

Библиография хорошо отражает источники анализируемого эмпирического материала и совершенно не ориентирована на актуальный научный дискурс в предметной области (нет ссылок на публикации по теме за последние 5 лет, нет зарубежной научной литературы); не все описания источником оформлены по ГОСТу.

Апелляция к оппонентам отсутствует: автор не вступает в дискуссии с коллегами, подгоняя их суждения под собственные представления о предмете исследования. Интерес читательской аудитории журнала «Человек и культура» к представленной статье возможен только после её серьезной доработки в части структурирования материала согласно логики изложения результатов научного исследования (программы исследования).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Накосник пулокерь как компонент мокшанского национального костюма: к проблеме генезиса и этнокультурных смыслов», в которой проводится информационно-семиотическое исследование элемента традиционного женского народного костюма как образца декоративно-прикладного искусства, маркера народной культуры.

Автор в своем исследовании исходит из того, что в истории развития одежды мордовского народа есть много уникальных произведений творческой деятельности женщины, среди которых выделяется недостаточно изученный женский накосник пулокерь. Он до сих пор привлекает внимание исследователей простотой формы и лаконичностью декора, свидетельствующих о безупречности эстетического вкуса народа.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления накосника в качестве элемента не только материальной, художественной, но и духовной культуры, в котором сконцентрированы история мордовского народа, ценности культуры, выраженные в представлениях людей о реальных качествах волос и прически. Рассмотрение истоков создания мордовской женщиной уникальной твердой конструкции для своих волос из кожи и металлической проволоки, которая обеспечивала их неподвижность и защищенность, позволило автору выявить особенности и этническую специфику мордовского народа, его представления о мире и себе самом, осмыслить влияние противоречий и проблем кризисной ситуации в культуре на возникновение и дальнейшее развитие элемента традиционного мордовского костюма.

Цель данной статьи – определить причины появления в женском традиционном костюме мордвы оригинального накосника. В работе автором предпринимается попытка выяснить, что послужило импульсом для возникновения в эпоху средневековья исследуемого артефакта, ставшего на целое тысячелетие этническим символом мокшанской культуры. Выводы работы опираются на использование общенаучных методов и системного, культурно-антропологического подходов, а также на интерпретацию народного героического эпоса «Масторава», истоки которого непосредственно связаны как с периодом, предшествующим средневековью, так и со временем формирования строя военной демократии мордовского народа. Теоретическим обоснованием статьи выступили труды Алиховой А.Е., Белорыбкина Г.Н., Вихляева В.И., Горелика С.В., Казакова Е.П., Мокшина Н.Ф., Петербургского И.М., Степанова П.Д., Халиков А.Х., Юрченкова В.А. и других исследователей. Эмпирической базой исследования также служат образцы декоративно-прикладного наследия мордвы, а также материалы археологических памятников.

При изучении степени разработанности проблемы автором проделан тщательный библиографический анализ научных трудов и этнографического эмпирического материала. В результате данного анализа автор приходит к выводу, что разнообразие

этнокультурных и исторических процессов средних веков (VIII–XVIII вв.) на территории Среднего Поволжья достаточно полно раскрыто в ряде работ. Встречаемый только в археологических памятниках, накосник исследовался лишь в работах ученых-археологов и пока не получил культурологического освещения. Культурологический и семиотический анализ изучаемого элемента традиционного народного костюма и составил научную новизну исследования.

Проведенное автором историческое исследование показывает, что характер эпохи (VIII–IX в. I тыс. н.э.), характеризующийся кризисом в культуре, способствовал изменениям в культурной жизни общества, в том числе и в традиционном костюме, декоративно-прикладном искусстве. Пулокерь, как результат творческой деятельности, насыщенной эмоциями человека, сконцентрировал главную идею времени, противоречия и проблемы, волновавшие активную социальную группу общества.

Социокультурный анализ позволил автору сделать вывод, что мордовская женщина на протяжении всей истории народа была творцом, созидателем материальной, духовной, художественной культуры, активной участницей социокультурных процессов. Морально-нравственной опорой в трудных природных и бытовых ситуациях прошлого ей служили традиционные ценности, формируемые и усваиваемые в результате воспитания в семье и жизни в коллективе. Большое воздействие на формирование ценностей имела языческая религиозно-мифологическая система, характеризующаяся у мордвы в I тыс. н. э. преобладанием женских божеств, играющих более важную роль, чем божества в образе мужчин.

Предпосылки возникновения накосника в мокшанской культуре автор связывает с семиотической нагрузкой, которую имели волосы у мордовского народа, объясняет принятые в обществе нормы общения и передачи информации, которые определяли стабильность общества, предсказуемость развития бытовых ситуаций, неизменность понятных всем визуальных знаков. Как отмечено автором, головной убор женщины и особенности ее прически осмысливались в период средневековья в качестве важной семиотической системы, выразившей в символической художественной форме важнейшие духовные ценности культуры. Автор определяет ядро семиосферы пулокеря как эмоционально-психологический мир женщины, создающий знаки и неизменные правила, характеризующиеся смысловой стабильностью.

Проведя исследование, автор в заключении представляет выводы по изученным материалам и определяет потенциальные направления дальнейших исследований в рамках изучаемой проблематики.

Представляется, что автор в своем материале затронул важные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа актуальную тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе помогает некоторым образом изменить сложившиеся подходы или направления анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что народный костюм является уникальным этническим и географическим маркером определенного народа, и его изучение представляет несомненную культурологическую научную и практическую значимость.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 41 источника, в том числе и иностранного, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокие знания изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и

заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.